

— Сделано! — отозвался трактирный слуга, кривя губы, и, подхватив поднос, вышел. Вскоре он вернулся, принес большой сверток с ароматической золой: — Наш хозяин как раз меняет благовония в курильнице, я и попросил один пакетик. Пользуйтесь на здоровье, великий наставник.

Фан Дицзи извлекла из рукава несколько медных монет — кто-то сунул ей полвязки на всякий случай, когда они занимались изменением внешности.

Она с довольной улыбкой протянула слуге жирные монеты испачканной в масле рукой. Слуга взглянул на эту жирную, лоснящуюся пухлую черную ладонь и грязные монеты, не осмеливаясь взять их напрямую. Подставив тряпку, он проговорил:

— Великий наставник, положите их сюда. Мне не нужно защищаться от злых духов, а вот испачкать все в таком количестве масла нельзя — хозяин будет ругаться.

Дождавшись, пока слуга уйдет, Фан Дицзи развернула пакет с ароматической золой и уткнулась лицом, обильно смазанным маслом, прямо в него, после чего принялась растирать всё это жирными руками. Сероватая зола при соприкосновении с животным жиром превращалась в липкую черную массу, а смесь запахов растопленного сала и благовоний создавала поистине отвратительное амбре.

Она медленно и с большим мастерством втирала получившуюся маслянистую грязь во все лицо, не забывая про уши, заднюю часть шеи и грудь, превращаясь в нечто черное, безобразное, сальное и зловонное. Теперь она была в куда большей безопасности.

Изменение внешности без соответствующего амбре — ненастоящее, а то, что она не использовала помой, можно было считать большой удачей.

Цзинь Унян, затаившись на потолочной балке, смотрел на происходящее во все глаза, совершенно лишившись дар речи — ведь он видел всё от начала и до конца. Когда Фан Дицзи умыли лицо, явив миру её прелестную и ослепительную красоту — эти свежо выбритые, аккуратные вихры на голове, белоснежное, словно слепленное из нежнейшей пудры лицо и трепетную, изящную фигурку, — она превратилась в матушку-монаха: черного, вонючего, с лицом в морщинах и сальных складках, а когда он улыбался, на переднем зубе у него красовался ярко-зеленый кусочек лукового пера.

Чжан Хуа примчался с противоположной стороны и, увидев, что Чэнь Лян и Ван Цянь находятся на волосок от смерти, в тревоге поспешил обратно, чтобы спросить, как поступить. Кто бы мог подумать, что вместо нее он увидит незнакомого монаха и учует от него тяжелый, жирный дух лукового зловония. Опираясь на меч, он сурово крикнул:

— Монах, ты забрёл не туда!

Фан Дицзи ничего не ответила и лишь глуповато захихикала.

Не успел Чжан Хуа добавить что-то еще, как с потолочной балки соскользнула Цзинь Унян и тихо произнесла:

— Она снова умыла лицо.

Чжан Хуа протянул руку, откинул на ней ветхую, промасленную рясу из лоскутов, внимательно осмотрел раны, в изучении которых проявил невероятную скрупулезность, и кивнул:

— Старший брат и второй брат при смерти, остальные все отравлены ядом. У двух братьев нет и следа борьбы или схватки, там ничего не убрали, но вокруг необычайно чисто.

Фан Дицзи равнодушно произнесла:

— Нам непременно нужно их спасти. Идите вы. Никаких планов и тактики — бейте прямо в лоб, вытаскивайте людей и уходите как можно быстрее.

Цзинь Унян откликнулась:

— Пойду я одна, а Шинян останется защищать матушку. Здесь нельзя оставлять матушку без присмотра. — Скоро отнесите меня к нищим у обочины, я часто притворялась бродягой и бедным монахом, у меня это отлично получается. — Фан Дицзи вытащила из рукава рассыпанную горсть медных монет и принялась запихивать их в руки Чжан Хуа: — Если встретишь его, используй эти деньги как скрытое оружие. Никаких особых вестей нет, главное — он об этом не знает, а ты должен вернуться живым.

Чжан Хуа больше ничего не сказал, понимая, что иного выхода нет. Цзинь Унян произнесла:

— Матушка, вам выпало перенести такое унижение.

Фан Дицзи спрятала за пазуху шесть крупных медных монет:

— В конце концов, я привыкла мыкаться по лихим временам, а вы двое совсем другие. Шинян во время охоты способна была из-за щепотки перца разругаться с людьми до разрыва. Запомните: если Чэнь Лян и Ван Цянь безнадежны, их тела можете оставить у него.

Чжан Хуа тихо спросил:

— А если они станут калеками?

Фан Дицзи устало улыбнулась:

— Для одного калеки здесь уже хватит места. Золото моё, спасая людей, во всём подчиняйся приказам Чжан Хуа.

Она сжала руку Чжан Хуа, крепко-крепко, и в её глазах мелькнул рассудительный и холодный блеск. Чжан Хуа понял её без слов и крепко сжал её руку в ответ.

Цзинь Унян прямолинейно выпалила:

— Матушка! Нельзя же бросать людей только потому, что они стали бесполезными!

Чжан Хуа торопливо пояснил:

— Матушка имеет в виду, что если спасти их не удастся, не нужно позволять старшим братьям мучиться еще сильнее.

Фан Дицзи нахмурилась:

— И еще одно напутствие вам обоим. Если я лишусь способности мыслить или говорить, не позволяйте мне прозябать в безумии. Не годится, чтобы та, что носит фамилию Фан, не могла писать, или чтобы та, что носит фамилию Фан, не могла слышать. Если он отравит меня так, что рассудок помутится и вылечить меня будет уже нельзя, пусть каждый, кто окажется рядом, убьет Фан Дицзи.

Чжан Хуа тут же спросил:

— Матушка, где мне искать двоих старших братьев? Там не осталось никаких зацепок, даже адреса.

Фан Дицзи равнодушно ответила:

— В уездном управлении, возможно, придется заглянуть и в тюрьму. Пока я жива, он не посмеет использовать личных подручных. В моих людях есть изъян — среди них затесались несколько его верных псов, но и среди его людей не все чисты — там есть и мои братья. Тебе не нужно выискивать, кто именно их отравил, — этот человек уже среди мертвецов.

Чжан Хуа и Цзинь Унян вытащили монаха из постоянного двора, небрежно бросили в углу стены неподалеку и поспешно удалились.

Не прошло и мгновения после их ухода, как к постоянному двору подошел отряд стражников. Побывав внутри, они вскоре вышли обратно. Во главе отряда шел мужчина средних лет с благородным лицом и необычной, утонченной внешностью, чья форма стражника сидела на нем слегка мешковато. Лишь окинув взглядом постоянный двор изнутри, он тут же вышел прочь. Фан Дицзи задействовала оставшуюся внутреннюю энергию, управляя мышцами лица, чтобы притвориться слабоумным монахом с перекошенным ртом, косыми глазами и непрерывно текущей слюной.

Главный из дознавателей под почтительные поклоны хозяина постоянного двора направился прямо к этому монаху. Он остановился в трех шагах от него, очень мягко глядя на грязного монаха, свернувшегося калачиком в углу и подложившего под голову кирпич, и спросил:

— Уважаемый наставник, откуда вы и как вас зовут?

Фан Дицзи открыла заплывшие, мутные глаза, из которых непрерывно лились слезы, — незадолго до этого она сама засыпала в глаза щепотку пепла от благовоний. Теперь ее глаза совершенно естественно дрожали и слезились, рот был искривлен, сквозь зубы виднелись прилипшие зеленые луковые перья, и она невнятно забормотала:

— Сынь-сынь шэнь-ю шэнь, тань-минь (Убогий монах — странствующий иноик, Таньмин).

Главный дознаватель слегка кивнул, думая про себя: «Что это за чушь ты несешь?» Он с ног до головы внимательно оглядел монаха и подумал, что этого просто не может быть — в донесении наверняка ошибка. Дицзи в повседневной жизни была невероятно чистоплотным человеком: она специально велела выкопать в саду родник и купалась по два раза на дню. Даже двадцать лет назад, переживая самые тяжелые времена, когда на ее одежде заплатка на заплатке сидела, она все равно оставалась аккуратной и опрятной девчонкой. Куда бы она ни отправилась, даже притворяясь нищенкой, она принадлежала к чистой фракции попрошаек, и в роли монаха она тоже была бы чистенькой.

Фан Дицзи, совершенно бесстрастно сменив личину силами маскировки, продолжала с искривленным ртом, слезами на глазах и бессвязным бормотанием:

— Сынь-сынь ку-син су сы нянь, цюй чань-фан лин-янь шань, лу-го цзин-чэн мэй сян-дао бин-дао (Убогий монах занимался аскезой несколько десятилетий, ходил на поклон к горе Линьянь, а когда проходил через столицу — не чаял, что сляжет от болезни).

Дознаватель кивнул и терпеливо, мягко переспросил:

— Из-за чего те двое только что вышвырнули тебя вон?

Фан Дицзи лучше всех знала, как сбить его с толку:

— Бу-чжао. Сян-сы сы-пинь шэнь мо юн (Не знаю. Кажется, убогий монах стал не нужен).

Его сердце дрогнуло, и он подумал: неужели Фан Дицзи бежала из столицы не под защитой отряда Чэнь Ляна, Ван Цяня, Цзинь Унян и Чжан Хуа? Нет, невозможно, та рана от клинка была тяжелейшей, она не могла уйти в одиночку. Быть может, Фан Дицзи вообще не покидала столицу, и у нее действительно есть там какое-то невероятно скрытное убежище для залечивания ран, о котором знает только она одна? Не находится ли она в том месте? А те, кого защищали Чэнь Лян и Ван Цянь — Фан Дицзи и остальные шестеро, — точно так же оказались фальшивкой?

Опомнившись, он подумал: все, что я знал раньше, было добыто в ходе расследований, а то, о чем я думаю сейчас, — лишь слова этого монаха, из которых я делаю выводы. Возможно, здесь кроется обман.

Он шагнул вперед и протянул руку, чтобы коснуться щеки Фан Дицзи и на ощупь определить, нет ли на ней маскировки.

Фан Дицзи с улыбкой запрокинула лицо, позволяя ему трогать себя.

Однако, кроме испачканной черной грязью, липкой и сальной кожи, он ничего не нащупал.

Этот монах не носил никакой маскировки.

Но вернемся к прежним событиям на другом фронте. Чжан Хуа и Цзинь Унян вихрем примчались на конях к уездному управлению, находившемуся в нескольких улицах отсюда, но еще до того, как они успели подъехать близко, дорогу им преградили стражники и сурово потребовали назвать цель визита.

Обвешанная с головы до ног шпильками и драгоценностями, разодетая в шелка и парчу Чжан Хуа капризным голосом произнесла:

— Я хочу видеть великого справедливого судью! Я требую, чтобы он рассудил этого негодяя! Стражник, оценив, что эта юная барышня и богата, и хороша собой, но при этом явно не блещет умом, скосил глаза на сидевшего рядом парня — чермалого, простоватого на вид и одетого в самое обычное платье, — и подумал: «Если я преподнесу уездному начальнику такую писаную красавицу — белокожую, нежную и благоухающую, — еще неизвестно, как щедро наградит меня господин».

Он тут же сменил тон:

— Госпожа, если у вас дело, прошу внутрь. Эй, люди, схватить этого малого с жуликоватой физиономией и бросить в темницу!

Цзинь Унян с дурным выражением лица завопил во всю глотку:

— Вы не имеете права так поступать! Вы клеветеете на честного человека, это же моя жена!

Чжан Хуа кокетливо стрельнула в него глазами, топнула ножкой и фыркнула:

— Какая я тебе жена, я благородная девица из приличной семьи!

Стражник поспешно закричал:

— Заткните ему рот, заткните! Пусть перестанет орать! — После чего снова расплылся в улыбке перед Чжан Хуа: — Прошу вас, госпожа, пожалуйста сюда, скорее пожалуйста.

Чжан Хуа изобразила простодушную дурочку с большими амбициями, спрятала в рукаве короткий меч и с сияющей улыбкой вошла внутрь уездного управления.

Цзинь Унян сделал вид, будто отчаянно сопротивляется, но его мгновенно скрутили — заломили руки за спину и связали по рукам и ногам крепким узлом. Затолкав ему в рот кислый и вонючий грецкий орех, применив богатырскую силу, его втолкнули в темницу.

Едва переступив порог тюрьмы, он сразу почувствовал неладное в царившей здесь атмосфере и в душе радостно ухмыльнулся.

Стражники же тем временем продолжали зачистку улиц, про себя гадая и гадая, во что же превратит эту юную девицу уездный начальник, который сам вышел из армейских и вдобавок промышлял разбоем.

И что же, спрашивается, могло случиться с Чжан Хуа, с госпожой Чжан Шинян? Разумеется, всего один взмах меча — и уездный начальник с улыбкой распластался бы на полу мертвым, а она сама, грациозно покачивая станом, в суматохе металась бы по всем углам уездного управления, притворяясь, будто спасается от домогательств распутного чиновника.

Хотя на самом деле уездный начальник вовсе не собирался портить эту девушку — он планировал преподнести столь редкую красавицу из здешних мест самому премьер-министру, чтобы заслужить его расположение и добиться повышения по службе. В уездном управлении почти никого не было. Завидев её испуганный и мечущийся вид, люди лишь посмеивались или смотрели с жалостью, позволяя ей бежать дальше, ведь все знали, что уездный начальник больше всего любит играть с блудницами в кошки-мышки. В уездном управлении была лишь одна глухая запертая комнатка. Чжан Хуа ударом меча разрубил замок, вошел внутрь и увидел двух плачущих девушек.

Но это его не касалось, сейчас у него не было времени заниматься подобным. Как-никак, уездный начальник убит, а здесь находится премьер-министр, которому и положено ведать такими делами.

Обыскав всё ещё в двух местах и не найдя никаких следов заточения людей, он перепрыгнул через стену и бросился напрямик к главной тюрьме.

У Цзинь Уняна в руках была силища в тысячу цзиней, а стражники связали его самой обычной пеньковой веревкой. Кому другому, пожалуй, пришлось бы потрудиться, но ему стоило лишь слегка напрячься, как веревка разорвалась надвое. Сидя в маленькой темнице в самом углу большой тюрьмы на холодном и жестком глиняном помосте, он тихонько разорвал веревки руками.

Тюремщик за решеткой повернул голову, увидел, что он непонятно как освободился от веревок и поднялся на ноги, и тут же выхватил нож с громким криком: — Ах ты ворюга, ты...

Цзинь Унян стремительным рывком бросился вперед, левой рукой ухватился за обух приближающегося к нему тюремного ножа — так, что тот замер на месте, словно зажатый в гигантских клещах. Стражник отчаянно дернулся пару раз: клинок не вытаскивался и не втыкался обратно. Ему показалось, будто этот меч принадлежит вовсе не ему, и от страха перед силой черномазого парня он даже забыл разжать пальцы.

Левой рукой Цзинь Унян притянул стражника к себе, просунул правую руку сквозь прутья тюремной решетки, вцепился в волосы ополоумевшего и непрерывно вопящего надсмотрщика

и изо всех сил рванул. Раздался противный хруст, и голова слетела с плеч. Стражник испустил нечеловеческий вопль, из разрубленного горла забил фонтан крови, после чего всё стихло. Цзинь Унян громко расхохотался, выломал из тюремной решетки две балясины толщиной в чашу и уверенно вышел наружу.

У входа в темницу уже собралось больше десятка стражников. Окружив его с обнаженными мечами, они замерли, словно перед лицом смертельной опасности, но никто не смел шевельнуться — точно так же, как мгновением ранее они не осмелились выручить своего товарища, схваченного за горло.

— Хотите меня остановить? — Цзинь Унян нагло окинул их взглядом и надменно хмыкнул.

Стражники переглянулись, побледнев лицами, и сделали несколько шагов в стороны, освобождая дорогу к выходу из тюрьмы, но из чувства долга продолжали перегораживать путь вглубь подземелий.

— Дай-ка я гляну, какую это дрянь вы, сынки черепаши, тут прячете, раз это так от людей скрывать надо. — Цзинь Унян взвалил на плечо две тяжелые прочные палки и, вышагивая вразвалочку, словно атаман, вернувшийся с победой, двинулся на стражников.

Среди надсмотрщиков нашелся пожилой стражник лет пятидесяти с суровым и сосредоточенным лицом: — Ваша милость, погодите. Уходить изволите — мы проводим, но сунетесь внутрь — навлечете на себя гнев самого премьер-министра.

Цзинь Унян легко хмыкнул, прочистил горло, склонил голову набок и смачно плюнул на стену.

Другой дюжий стражник среднего возраста крикнул: — И премьер-министра, и госпожу Дици ты ни во что не ставишь? Какими бы ни были твои великие способности, разве сравняешься ты с Линьху? Линьху сколько раз вторглся в пределы нашего государства, да только под божественной мощью премьер-министра и госпожи Дици всё равно падал ниц, признавая себя вассалом, и бежал за тысячу ли!

Гнев всколыхнулся в груди Цзинь Уняна, и он взревел: — Пропустите или нет?! Кто не уступит — умрет!

Стражники дружно завопили: — Ах ты негодяй, да как ты смеешь устраивать побег из тюрьмы! Взять его все вместе!

Они бросились вперед, размахивая мечами из стократно переделенной стали. Цзинь Унян замахал толстыми дубинками: стоило им лишь слегка коснуться кого-нибудь, как легкие удары ломали кости и калечили, а тяжелые — лишали жизни на месте, не оставляя целым даже тело. Здоровяк обращался с ними так же легко и непринужденно, как грозный великан с беззащитными кроликами.

Разобравшись со стражниками, Цзинь Унян влетел внутрь и увидел, что в самой дальней темнице стоит лишь огромный бронзовый колокол. При виде него глаза у него едва не лопнули от ярости.

Этот колокол несколько лет назад лично спроектировала госпожа Дицзи для конвоирования особо опасных преступников. Он был по-настоящему толстостенным, звонким и прочным — в него запросто поместилось бы человека три-четыре, но предназначался он для другого: что бы ни кричал запертый внутри человек, наружу не долетало ни звука, всё глушилось внутри. И напротив, что бы ни кричали снаружи, узник тоже ничего не слышал. Хотя в колоколе имелись отдушины для дыхания преступника, железные цепи снаружи непрерывно терлись о корпус, и заключенный был обречен бесконечно слушать усиленный в сто раз скрежет и гул. Проведя внутри и десяти минут, даже самый закаленный богатырь терял рассудок от оглушающего звона в ушах. Если же узник решал покончить с собой, то внутри колокол был совершенно круглым и гладким, без единого выступа: не ударившись насмерть, несчастный всё равно полуумирал от кровотечения из всех семи отверстий, оглушенный собственным криком и звоном.

Замок, запиравший колокол снизу, представлял собой цепную систему без единого ключа — колечки одно за другим, от больших к меньшим, словно девять соединенных колец, накрепко опутывали колокол. Сама застежка была изготовлена из драгоценнейшего Небесного метеоритного железа. Тот, кто знал секрет, мог справиться, но незнающий, пожалуй, не развязал бы её до самой смерти, скорее заживо сгноив человека внутри. Попытайся кто разбить колокол грубой силой — заключенный внутри погиб бы от звуковой волны еще до того, как толстый металл треснул бы, не говоря уже о том, что звон разнесся бы на сотни ли вокруг и немедленно привлек погоню.

Цзинь Унян обошел вокруг колокола три раза. Когда он уже совершенно не знал, что делать, измазанная кровью и похожая на колышущийся на ветру лотос Чжан Хуа в девичьем наряде шагнула внутрь: — Еще не готово?

Увидев колокол, Чжан Хуа поразился до глубины души и вымолвил: — С ума сойти... Как это он впопыхах додумался сбежать в ведомство наказаний за этой штукой?

Цзинь Унян сложил руки на груди, присел на глиняный помост и мрачно бросил: — Да это же он от меня защищался!

Чжан Хуа подошел ближе, отвязал белую шелковую ленту, достал из складка тонкий шелковый отрез и расстелил его на земле. Опустившись на колени, он принялся ловко перебирать цепной замок, обвивавший снизу до половины весь бронзовый колокол наподобие нитей жемчуга. Его тонкие изящные пальцы действовали с удивительной сноровкой, распутывая затейливое плетение.

Цзинь Унян невероятно обрадовался и, дождавшись, пока тот немного переведет дыхание, спросил: — Откуда ты знаешь, как это развязать?

Чжан Хуа мягко улыбнулся и вытер со лба выступивший пот: — Я только в прошлом месяце брал эту вещь попользоваться в ведомстве наказаний. Из чистого любопытства тайком запомнил способ разгадки, да так и не забыл.

Цзинь Унян был готов пасть ниц и воздать хвалу этой привычке запоминать всё подряд, а потому сидел рядом, боясь даже вздохнуть полной грудью.

Чжан Хуа методично распустил все девяносто девять связанных в кольцо звеньев, обессиленно рухнул на землю и бросил: — Поднимай колокол.

Тут наступил черед Цзинь Уняна. Он легко приподнял тяжелый колокол. Чэнь Лян и Ван Цянь сидели внутри, крепко обнявшись и зажмурившись от глупого ожидания.

Цзинь Унян громко расхохотался: — Думали, это старый разбойник явился, а?

Чэнь Лян и Ван Цянь в один голос произнесли: — Благодарим двух младших братьев за спасение жизни! Мы, старшие, век этого не забудем.

Они торопливо поднялись, размяли затекшие члены, помогли подняться Чжан Хуа, подобрали шелковый отрез вместе с цепным замком и вместе с Цзинь Уняном двинулись к выходу.

Едва все четверо вышли за тюремные ворота, как перед ними предстала невероятно оживленная улица: повсюду торговали вином и едой, жарили вонтоны и лапшу, продавали молочных цыплят, резали мясо ломтями, пекли лепешки с чаем и яйцами, жарили палочки из теста в масле, предлагали водяные пирожки и рисовый суп из маша, пили чай, спешили на пиры, хрустели ветчиной вприкуску с чесноком. Чего тут только не было — и еда, и зрелища! Воришки промышляли карманами, нищие выпрашивали милостыню, мошенники и обманщики плели интриги, а ловкачи шарили по карманам так, что и глазом моргнуть не успеешь. Певцы зарабатывали на пропитание: дашь пять монет — споют кусок, да ещё останешься должен; толкальщики тележек обливались потом, мальчишки зазывали прохожих помахать веерами, уличные крикуны надрывали глотки до потери голоса, во весь опор горланя о милосердии благородных господ и госпож. Кто-то болтал о пустяках, кто-то напивался до бесчувствия и валялся прямо на мостовой, притворяясь мертвым. У кого-то гнили носы, у кого-то кости были ни к черту, проигравшиеся в кости стояли, прислонявшись к стенам, а пустые карманы заставляли лишь горько вздыхать. Студенты, прибывшие на экзамены, снимали постоянные дворы и до потемнения в глазах зубрили трактаты, а зеваки толпами слонялись у ворот уездного управления. Ах, до чего же оживленное выдалось зрелище!

Добравшись до дверей постоянного двора, они свернули в небольшой переулок, где отыскиали переодетую в нищенского монаха госпожу Дици.

Переодетая нищенским монахом госпожа Дици с презрительно кривящимся ртом лениво лежала на коленях у маленького нищего и гадала по руке другому оборванцу средних лет: — Эх вы, отец и сын... Верны слова: маленькой лошади узок узкий путь, а расправившему крылья руху небо кажется слишком низким. Изначально вы были честным и добропорядочным

семейством, да только в один прекрасный миг помрачился ваш разум и вы сотворили то, чего делать не следовало. Хм-м, судя по всему, что я вижу, толкнула вас на это погоня за выгодой, а пострадали вы от рук мелкого людишек. Тьфу ты, воистину в этом мире не страшно отсутствие добрых дел, страшно отсутствие хороших людей!

Нищий взволнованно закивал: — Верно, всё верно говорит великий наставник! Все кругом твердят, что я до конца дней своих останусь нищим прорицателем, но кто бы знал, что еще восемь лет назад я был главным управляющим в богатом доме? Просто в один день в мою душу будто жира налили, ослепило меня: занял денег у родни, решил заняться торговлей... Кто же знал, что все деньги сгорят дотла? Превратился я в бродягу, и теперь носа не смею казать к хозяевам. Скажите, что мне теперь делать?

Госпожа Дицзи скривила рот, скосила глаза и, бормоча заклинания, еще долго водила пальцами: — Масло в лампаде догорело, водяные часы пробили полночь, едва пропоет петух — и настанет долгожданный покой.

Нищий с замиранием сердца спросил: — Что это значит?

Госпожа Дицзи изрекла: — А то, милый человек, что нечего тебе затевать великих дел. Живи просто, берись за любую посильную работу, зарабатывай гроши и расти сына. Вставай пораньше, ложись попозже, води жизнь скромную и трудолюбивую, глядишь — со временем всё и наладится. Больше трех лет не пройдет, а то и за полгода многое переменится к лучшему. Смотришь, в один прекрасный день снова станешь главным управляющим.

Едва она выпустила руку нищего, как другой тощий, иссохший маленький нищий торопливо протянул ей ладонь: — Уважаемый наставник, погадайте и мне!

Чэнь Лян и Ван Цянь протиснулись сквозь толпу нищих и низко поклонились: — Святой наставник, у нас к вам дело.

Госпожа Дицзи с загадочным видом произнесла: — Нищий монах как раз только что пошевелил пальцами и сообразил, что вам двоим пора появиться. Как раз вовремя, нищий монах уже начинает проголодаться.

Чэнь Лян почтительно произнес: — Протяните руку, святой наставник, мы поможем вам подняться.

Тут Чэнь Лян и Ван Цянь подхватили госпожу Дицзи под руки и повели прочь, а толпа нищих за спиной замахала руками: — Счастливого пути, учитель, мы обязательно будем следовать вашим наставлениям! — Учитель, а мне вы так и не погадали! — Учитель, как же у вас всё точно сбывается!

Госпожа Дицзи обернулась, весело рассмеялась и бросила напоследок: — Улучся у вас дела — повстречаете нищего монаха, с вас угощение! Кому сегодня не погадал — свидимся в другой

раз, коли судьба сведет.

Усадив госпожу Дицзи в повозку, Чжан Хуа тоже запрыгнул внутрь, переоделся обратно в мальчишеское платье и с мягкой улыбкой произнес: — Матушка, ну и прорицание!

<http://bllate.org/book/21775/2251790>